

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Алекс Горрион

Пора прощаться

Алекс Горрион
Пора прощаться
2010

Оригинал на английском — theanvilreview.org
Сохранено 14 мая 2012 года из falshe.com

2010

отношению к обычным видам подрывной деятельности – скрепить нас вместе, и посредством этой скрепленности впервые в жизни создать твердую почву, повстанческое пространство, намекнуть на возможность мира таких пространств: без этого, все наши интимные связи находятся под угрозой опосредованной брэнности, которая постоянно отталкивает нас от самих себя, или тех из нас, кто не подходит для этих опустошенных тел. Капитализм – это невероятно мощная штука. Как жаль, что дружба должна проявлять слабость, если она недостаточно сильна, чтобы устоять пред сильнейшим богом из всех созданных.

В этой трагедии сказать «прощай» – это ритуал, сохраняющий устаревшие формы дружбы, общины, бытия где-то; его пустоту можно обнаружить, только если есть тишина, позволяющая услышать эхо.

Оглавление

I.	5
II.	6
III.	7
IV.	8
V.	9
VI.	9

представить себя в трагичном виде, который мог бы оправдать силу ее эмоций.

Можно подумать о смерти, или вспомнить сентиментальное кино и повести. Два самых пронзительных прощания в англоязычной литературе со времен Второй Мировой это «Возвращение Короля» и «Янтарный Телескоп»; они описывают отбытие в иные миры, прощание в них необратимо постоянно, но в то же время обе стороны могут продолжать жить и скучать друг по другу. То, что было, не исчезло, но нельзя вернуться назад.

V.

Сила, сопровождающая нас за границей общины, когда мы отправляемся в путь и вверяем себя в теплые объятия уединенности, – это метафизическое бытие мира. Если мира больше нет, то нет больше и общины, нет дружбы, нет нас.

VI.

Почему столь тривиальные расставания и моменты одиночества приводят к таким поразительным вершинам чувственности? Возможно, потому что мы действительно обнаруживаем непрекращающееся утрату в нескончаемом вдохновении, порожденным моментами тишины, когда нас не отвлекает каторга наших современников, взбирающихся по крутому склону.

Мы обнаруживаем нашу отсроченную смерть, наши давно потерянные ауры. Дружья без постоянства – утрата не меньшая, ведь мы можем их никогда по-настоящему не узнать, так как их больше нет здесь. Никто из нас не здесь, а там больше нет там. Без чего-то подрывного – даже подрывного по

I.

Что может быть более вечным, чем прощание?

И что может быть более характерным для современного капитализма, чем поиск вечных вещей? Понятия любви, семьи, гендера, прогресса и человечества представляют себя на рынке идей как естественные и незаменимые продукты. Декадентствующие интеллигенты, диалектики и постмодернисты играют, вынимая непреходящее из вечного, так что все оказывается «новым».

Никто не знает, как люди прощались на заре капитализма или до этого. Что мы точно знаем, так это то, что слово само «прощай» передает чувственную окончательность, которой и близко нет в материальных перемещениях людей современного мира.

Наиболее распространенными миграциями прошлого были миграции примитивного накопления, модернизации и урбанизации, и все они означали распад общин, массивную перестройку общества, опосредованную на личностном уровне огромным количеством прощаний. Эти миграции требовали необратимости, они ставили крест на возможности воссоединения, ведь земля оставлялась в прошлом, деревенская община исчезала, и если чьи-то пути вновь пересекались, то эта встреча состоялась в Новом Мире, в матрице полностью переменившихся социальных отношений.

Эта культура переезда пыталась перенять представление об удаленности из прошлого. Расставание сегодня синонимично окончательности, но на самом деле английское «прощай» (goodbye) – это ведь сокращение – постыдное и стеснительное –

Мне понятно и близко ощущение свободы странника на вершине горы, но в такие моменты чувствуешь определенное внешнее давление. Это ощущение полезно, потому что время, проведенное в диких условиях, восстанавливает, и, несмотря на свои подрывные качества, подготавливает тело к возвращению к капиталистическому ритму. И оно непостоянно, ведь все дикое находится под угрозой сил, которые не могут быть заблокированы в его же рамках.

На пустой трассе, наоборот, чувствуешь себя один на один с квинтэссенцией системы. Раздражающий фактор других водителей исчезает, можно перестать следовать навязанной пунктуальности, пропадает давление неминуемой работы и тупость стояния в пробке. Стоит задержаться на несколько часов, и можно ехать по гиперконтролируемому сооружению с определенной нежностью. Можно даже увидеть луну. . . она настолько же недостижима для системы, насколько и бесполезна для нас в реальной жизни.

IV.

Именно в контексте отъезда сказанное «прощай» может вызвать трагичную ностальгию, которой, кажется, эта эра мелких устремлений и не заслуживает. Покидая людей, которых вопреки всей поверхностности человеческих отношений мы смогли полюбить, мы совсем не боимся, что это прощание станет вечным. В конце концов, автомобили становятся все более безопасными, с чего бы это кому-то умирать до 80ти?

Единственное постоянство, которое мы знаем, – это постоянство отбытия гипермобильного потребительского существования. Но езда ночью создает недозволенное, нерегулируемое пространство для фантазии, позволяющей этой ностальгии

от «Бог с тобой» (God be with ye), что соответствует французскому “adieu”, испанскому “adios”, немецкому “grüß Gott”. То, что сегодня ассоциируется с отсутствием, с разделением, приумножающим одиночество, раньше означало передачу в доверие другому лицу. Прощалец, оставляя защитные добродетели общины, переходил в руки сверхъестественного – того свойства удаленности, которое препятствовало торжеству одиночества.

В дороге, во время путешествия, человек выходил за грань мира и потому переходил под юрисдикцию метафизической связи с миром. Прощание также сохраняет свое значение и в сфере смерти, как в сегодняшней, так и в ушедшей парадигме. Прощание с мертвым до расцвета капиталистического научного мировоззрения было тождественно приглашению его в новый мир; с развитием капитализма, смерть – это последнее поражение перед всепоглощающим одиночеством.

II.

В современном мире, «прощай», сказанное близкому человеку, никогда не будет последним, только смерть может поставить крест на возможности воссоединения. Капитализм стал глобальным, и люди теперь перемещаются не между общинами, а между непрерывно колеблющимися рынками труда. Большая часть американских иммигрантов после Второй Мировой были временным, и только строительство гигантской стены [на границе с Мексикой] и установление беспрецедентного режима перебегов и депортаций имеет возможность изменить этот факт.

На севере от границы самодепортация стала перманентным явлением. Ежедневные поездки из пригорода в город, рынок

недвижимости, ипотека, Интернет: все больше людей из везде, они прикреплены к везде, они сами и есть это везде.

Личность не может быть подлинной. Подлинность видится только в прошлом, ибо подлинность требует утверждения вышестоящей инстанции, которая, в случае людей, никогда не утверждает, а только склоняет к более эффективной модели эксплуатации. То, что раньше становилось, теперь уезжает, а так как любая точка отсчета относительна, то, если посмотреть на все с нужной стороны, будет казаться, будто все стоит на месте. Так становление принимается за бытие. Подлинность проявляется там, где нет почвы.

Беньямин отмечает, что для произведения искусства подлинность имеет значение, только если возможно воспроизведение работы, которое и создает оригинал, который был где-то сотворен и где-то хранится, а рассылаются повсюду его копии. Но с развитием технологий воспроизведения подлинность уничтожается присвоением воспроизведению статуса формы искусства. Нельзя сказать о фотографии, подлинная ли она, как можно было бы сказать о картине. Что полностью потеряно, так это аура произведения искусства, определяемая Беньямином как функция расстояния и фиксированности во времени и пространстве.

То же верно и для прощания – в глубинах ностальгии люди обнаруживают ничто иное, как свою изгнанную ауру.

III.

Есть какая-то извращенная правда в том, что человек переживает величайший момент свободы, когда едет ночью по трассе. *«Полный бак – это свобода, звездная ночь и пустая дорога – это надежда»*, как поет одна фолк-панк группа.